

ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

ДОРОГА ПОД ЗВЁЗДАМИ

РАССКАЗ

Михаил возвращался домой в эту субботу поздно. Он работал истопником в Мужевской поселковой бане. Были рождественские морозы, и топить приходилось — будь здоров. Вроде бы вот, совсем недавно подбросил добрую порцию угля, а в стенку, за которой парилка, уже снова долбят могучими кулаками разгорячённые мужики и повелительно просят:

— Земляк, поддай-ка ещё малость!

Михаил встаёт, открывает дверцу и ловко направляет в ненасытную пасть топки ещё две лопаты чёрного угольного крошева. Снова садится и молчаливо слушает привычный шумок кочегарки: жадное гудение огня, а за стеной довольное кряхтение и разнобойный хлёт веников по голым распаренным телам. К одиннадцати часам парилка, наконец, затихает. Рабочий день окончен.

После тепла кочегарки январский мороз чувствуется не сразу, хотя шутка ли, тридцать девять градусов ниже нуля. Одежда щедро накопила сухой жар. Но лицо гораздо быстрее становится беззащитным на холоде, а до дома ещё половина пути. Михаил пересёк улицу Комсомольскую, и с пригорка уже видны два родных окна правее метеостанции. Улица безлюдна. Он спускается с холма, одиноко идёт мимо колбасного цеха и старой совхозной конюшни. Потом останавливается и сквозь заиндевелые смерзающиеся ресницы смотрит в небо.

ЧЕРКАШИН Павел Рудольфович родился в 1972 году в селе Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Участник семинаров молодых писателей Тюменской области и Ханты-Мансийского автономного округа. Член Союза журналистов России с 2000 года. Член Союза писателей России с 2003 года. Автор двенадцати книг поэзии и прозы. Лауреат литературных конкурсов. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Живёт в Ханты-Мансийске.

В этой части Мужей фонарей почти нет, и звёзды, густо рассыпанные по небосводу, кажутся намного ярче и ближе. Их незамутнённый мерцающий свет настолько пронзителен, что невольно покалывает глаза. Долго глядясь Михаил в ночные искры неба, пока мороз не начинает настойчиво жалить лицо и пробираться ледяными руками под полушубок. Надо идти.

Под унтами хрустко продавливается мёрзлый рассыпающийся снег. Михаил с внезапным удивлением отмечает, как давно он не обращал внимания на звёзды, он даже забыл, что их так много. Что их так невообразимо много! Искрящийся под ногами снег вдруг напоминает ему далёкие лучистые точки в бездонной выси.

— Кругом звёзды! Везде звёзды! — зачарованно бормочет под нос Михаил и вдруг, спохватившись, начинает торопливо растирать побелевшие, ничего не чувствующие нос и щёки. Про мороз забывать нельзя.

Михаил поднимается мимо детской музыкальной школы на следующий холм и попадает на родную улицу Юганскую. Это северо-западная окраина Мужей. Впереди виден его дом. Топится печь, из трубы отвесно поднимается сизый дым. В его густых клубах мутно просвечивает холодная полная луна. Михаил замечает, что у калитки двора кто-то стоит. Это Галина, его жена. Он улыбается, разглядев, что Галя надела его огромный овчинный тулуп, который смотрится на ней чересчур мешковато, и ускоряет шаг. Галина с нетерпеливым ожиданием смотрит в его сторону и притопывает ногами от холода.

— Привет, Галюш!

— Ой, Миша, что ж так долго-то, а?

— Работа, — разводит руками Михаил. — Всем кости прогреть захотелось.

— Час уже жду. Обрати зайдёшь да снова выйдёшь. Уж и детей уложила, и ужин готов, и печь дотапливается, — с женской заботой в голосе проговорила она.

— Ну что ж, вот и пришёл, — устало ответил Михаил, приобнял жену и отворил калитку. Они прошли через двор, поднялись на крыльцо и зашли в сени.

— Погоди, Миш, не заходи, — вполголоса произнесла Галина и плотно закрыла входную дверь.

— А что? — невольно поинтересовался Михаил и остановился.

— Одно дело есть. Только слушай! — она вплотную приблизилась к мужу и, собираясь с мыслями, поджала нижнюю губу.

— Ну?

— Верка-то Конева опять меня сегодня прилюдно обхамила. В магазине, — жалостливо начала Галина.

— Да? Я же ведь толковал с её мужем, чтоб малость приструнил свою жену.

— С Колькой-то? Да они ж два сапога — пара. Он тебе в лицо одно скажет, а за глаза посмеётся и пакость какую-нибудь сделает.

— Так чего же ты в магазине-то сама за себя постоять не могла? Сказала бы ей пару ласковых.

Галина всхлипнула:

— Попробовала. Сегодня.

— И что?

— Что? Верка буркнула со злостью что-то нечленораздельное и выскочила из магазина.

— Ну, вот видишь, — успокоительно рассудил Михаил.

— Что “вот видишь”?! Думаешь — всё? Как же! Я из магазина вышла, иду, а она сзади подбежала, видать, караулила, и ногой-то в сумку как шнёт! Вот, говорит, тебе, сучка коцегарская! Знай своё место! Да не распуская поганый язык! — Галина зарыдала. — Две банки разбила. Стерва!

— Ну, это уж слишком! — громко возмутился Михаил. — Вот баба!

— Я и говорю... Ой, ладно, замёрзла, давай в дом зайдём. Ещё что-то скажу.

Они вошли и тихо, чтобы не разбудить детей, разделись.

— Я вот ещё что сказать хотела, — шёпотом продолжила Галина. — Хватит всё это безнаказанно терпеть! Надо им отомстить.

— Это как же? — со смешливым недоверием поинтересовался Михаил.
— А вот как. Садись, ешь, а я тебе рассказывать буду. Ты мне только сначала скажи: в бане завтра твоя смена или нет?

— Нет. Я отдыхаю.

— Вот и хорошо. Ешь. Тут вот водочки немного есть, выпей, — Галина достала из-под стола початую бутылку.

— Ого! — приятно удивился Михаил. — Чего это вдруг любезность такая?

— Ладно. Когда расскажу — поймёшь. Пока слушай.

— Угу, — Михаил налил и опрокинул внутрь первую стопку.

— Салехард по радио на завтра буран обещает. Это значит, и у нас дня два-три непогода будет, что нос не высуну.

— Ну?

— Да. А говорю я вот к чему. У тебя завтра выходной, днём отоспишься, а этой ночью одно дело надо будет сделать, пока тихо да небо ясное. Сделаешь, значит, поквитаемся с Коневыми.

— А что за дело-то среди ночи? — недоумённо спросил Михаил.

— Наш покос, помнится, рядом с коневским, — продолжала Галина. — Вы ведь с Николаем вместе этим летом косили.

— Да.

— Помнишь, которые их стога?

— Помню, — кивнул Михаил и пропустил вторую стопку.

— Вот и хорошо. Надо будет сейчас съездить туда и один из их стогов, который от наших подальше, перевезти сюда на сеновал. А свои на потом сэкономим. У нас как раз сено на исходе. Жерди спрячешь куда-нибудь, чтобы не торчали. Не забудь. Пока буран будет, все следы напрочь заметёт, как будто того стога и не было. А ехать надо сейчас. Среди ночи тебя никто не увидит. Все уже спят.

Михаил выпил третью стопку и задумчиво потёр лоб.

— Холодно же, Галя. Путь-то не близкий.

— А я для того и водочки тебе дала, чтобы грело изнутри, — убедительно оправдалась Галина, хотя втайне про себя держала и другую мысль, что, выпив, муж скорее согласится на такое отнюдь неблагоприятное дело, нежели трезвый.

— Ладно, — без большой охоты ответил Михаил. — Пойду собираться.

— Конечно, миленький! — засуетилась Галина. — Я уже и приготовила всё: носки, свитер, штаны ватные. Тулуп оденешь. А вернёшься, ещё водочки налью, — ворковала она. — И ещё кое-что будет, — игриво пророчила она, зазывно глядя в глаза мужу, и словно бы случайно поправила кофточку на пышной груди.

Михаил обстоятельно одевался и в то же время с нескрываемым вожделением поглядывал на ладную фигурку жены.

— Добро! Я не забуду, — весело ответил он и вышел запрягать лошадь, поцеловав напоследок Галю.

В Мужах все крепко спали, когда Михаил выезжал на противоположную сторону села к Оби. Даже собаки ленились гавкать на проезжающие мимо их дворов пустые поскрипывающие сани. Мороз. Намного приятнее лежать в тёплой конуре на мягкой подстилке, уткнув нос в густую шерсть.

По накатанному зимнику лошадь легко устремилась вперёд, увозя в заснеженные пойменные просторы одинокого ездока. Копыта гулко ударялись в утрамбованный снег, и Михаил, усталый после рабочего дня, полудремал под их монотонный перестук. Впереди над тальниками безучастно светила луна, окружённая зеленоватым нимбом, и ещё невероятней сияли вокруг застывшие капельки звёзд. Через купол неба, словно зеркальное отражение дороги, протянулся широкой лентой Млечный Путь.

Полчаса спустя Михаил доехал до покоса Коневых и, свернув с дороги, добрался до самого дальнего стога. Остановил лошадь, встал с саней и огляделся. Голая промороженная равнина луга с редкими холмиками стогов невольно будила в душе неприятную робость и тоскливое чувство оторванности от мира.

Перед тем как начать перемётывать сено в сани, Михаил достал из кармана начатую пачку “Астры”, спички и осторожно прикурил. Табак необычно быстро и приятно ударил в голову. “Потому что выпил”, — объясняя сам себе, подумал Михаил и непроизвольно снова взглянул в звёздную высь.

— Красота-то!.. — прошептал он восхищённо. — Сколько ж вас наплодилось, а! — пролепетал непослушными мёрзлыми губами Михаил.

Казалось, что лучистый свет звёзд так и тянется к его глазам, и что они сами вот-вот сорвутся с неба на землю, прямо в ладони Михаила.

Под ногами что-то зашуршало, и Михаил нехотя оторвал взгляд от неба. По снегу воровато, крадучись змеился тонкий ручёек позёмки, трусливо скользнул мимо и растворился в темноте. Первый вестник грядущей непогоды. Любуясь звёздами, Михаил не заметил тот момент, когда проснулся ветер. Ещё одна струйка позёмки скоро прошелестела мимо. Следом в лицо по-хозяйски ударил студёный порыв ветра. Михаил тревожно нахмурился, спешно взял вилы и принялся за работу. Надо было торопиться. В Мужах каждый знает, как капризна и неустойчива северная погода.

Вилы в руках Михаила безостановочно описывали в воздухе дуги от стога к саям. В морозном безмолвии были слышны лишь мягкий, покорный шелест сена и шумное, разгорячённое дыхание. Стог заметно таял, из него всё больше выпирали деревянные рёбра жердей.

А со стороны озера Сой-Беда неслышно, с привычным северным коварством надвигалась плотная завеса бурана, застилая непроглядной пеленой беззащитные звёзды. Если бы Михаил хотя бы на мгновение оторвался от дела, он бы немедленно погнался назад, увидев, как неожиданно помутнела луна, а в пустом небе пока ещё обманчиво невинно порхают редкие, нечаянные снежинки. Он бы непременно, всем нутром почувствовал ту неповторимо жуткую мертвенную тишь, которая бывает непосредственно перед началом разгула стихии, когда ветер вдруг внезапно умирает.

Буря застала Михаила врасплох. Резкий сильный толчок ветра чуть не опрокинул его в снег. Он ошалело поглядел вокруг. С каждой секундой всё гуще и гуще начинал идти снег. Первый шквал пронёсся дальше, но всё же ветер оставался сильным и быстро обмораживал уязвимые части лица. Луна окончательно исчезла, только едва уловимое свечение пробивалось сквозь плотные снежные вихри. Навалилась мгла.

Михаилу стало страшно. Наскоро закрепив сено на саях, он вскарабкался наверх и взволнованным окриком тронул лошадь с места. К дороге! Как можно скорее!

Голые жерди так и остались торчать посреди поля. Михаил досадно оглянулся на них и только сжал зубы. Не до них. Лошадь тяжело потащила гружёные сани, пока, наконец, не ступила на твёрдую дорогу. Михаил нетерпеливо хлестнул её вожжой и в тот же момент почувствовал, что, вспотев после торопливой работы, постепенно начинает замерзать. “Скорей бы доехать!” — с нехорошей тревогой подумал он и уткнулся головой в пахучее сено. Ветер усиливался.

Нескончаемо тянулось время. Изредка Михаил поднимал голову и смотрел на густо облепленную снегом лошадь. Потом его мысли неудержимо унеслись к дому. Он необыкновенно ярко представил в уме тёплую комнату, родные голоса детей и жены. Вот он сидит у топящейся печки, и обволакивающий жар приятно проникает в него, добирается до каждой клеточки усталого тела. Вскипел чайник, и Михаил словно воочию видит, как Галина наливает ему в любимую чашку густой ароматный чай, заваренный с сушёной малиной. Напиток слегка обжигает горло и разливается внутри успокаивающей истомой. Как тепло! В мягкой кровати тело совсем расслабляется, и он неудержимо засыпает, засыпает...

По ночной дороге одинокая лошадь везёт сено.

В тумане нахлынувших грёз Михаил даже не уловил, как на самом деле незаметно уснул, нечаянно навалившись на правую сторону вожжей. Волей случая это произошло как раз на том месте, где находилось ответвление дороги в сторону Восяхово. Всегда послушная своему хозяину лошадь, почувствовав натянутую вожжу, безропотно свернула вправо и продолжала идти, но уже не к дому. Потом вожжа ослабла.

Буря бушевал. Михаил беспомощно спал, обезоружив себя перед стихией, пронизывающий холод властно сковывал его в своих беспощадных тисках. А лошадь всё шла и шла, пока чувствовала под ногами заметённую дорогу. Вдруг она по грудь провалилась в рыхлый снег и натужно рванулась вперёд.

От резкого толчка заоченелое безвольное тело шумно соскользнуло с сена и тяжело рухнуло в сугроб. Животное, почувствовав отсутствие хозяина, выбралось обратно на твёрдый участок и в нерешительности остановилось.

Поблизости, не переставая, шумел и трещал под тугим напором ветра угрюмый невидимый лес, а по широкой излучине Горной Оби бесконечно змеились хвосты позёмки, и хороводили снежные вихри, бесследно заметая неподвижное остывающее тело Михаила.

